

Я. С. ЛУРЬЕ — ИСТОЧНИКОВЕД

Два месяца не дожидаясь Яков Соломонович Лурье (1921—1996) до своего 75-летия.

Я. С. родился в семье одного из крупнейших отечественных ученых-античников С. Я. Лурье.¹ Его влиянием в значительной мере определялся выбор Я. С. профессии. С. Я. Лурье принадлежал к петербургской исторической школе,² и это, вероятно, тоже стало одним из импульсов ориентации Я. С. уже в стенах Ленинградского университета. На его исторический факультет Я. С. поступил в шестнадцать лет и стал учеником знаменитого историка М. Д. Присекина, незадолго до того вернувшегося в Ленинград после нескольких лет заключения в концентрационном лагере, куда он был этапирован согласно приговору «тройки» ОГПУ по так называемому Академическому делу 1929—1931 гг.³

М. Д. Присекин с полным основанием причисляет к петербургской исторической школе. Она формировалась на протяжении XIX в. и достигла своих вершинных достижений в предреволюционные десятилетия. Отличительной ее чертой была научный рвением, конкретное, непосредственное отношение к источнику и факту, отбор, анализ и синтез которых не подвержены зрянке установленной схеме, не зависима от социологических конструкций, предвещающих критическому отношению к источникам.⁴ Эти особенности петербургской исторической школы не могли не войти в противоречие с навязываемой большинством партий исторической науке ролью служанки политики.

Знания беспрерывно сконцентрированы в 1941 г. учителя, а следовательно, и принципам петербургской исторической школы, Я. С. в своем научном творчестве был неизменно верен. Я. С. много сделал

¹ Я. С. Лурье написал и опубликовал в Париже на русском языке под псевдонимом «Виню об отце» (*Копраживо-Лурье Е. Я. История одной жизни*, Paris, 1987).

² См.: *Копраживо-Лурье Е. Я. История одной жизни*, С. 52.

³ Академическое дело 1929—1931 гг. Документы и материалы следственного дела, сфальсифицированного ОГПУ. Вып. 1. Дело по обвинению академика С. Ф. Платонова. СПб., 1993.

⁴ См.: Присекин М. Д. 1) *Образование Великорусского государства XIII—XV столетий*. Пг., 1918. С. V—VI; 2) Речь перед защитой диссертации под названием «Образование Великорусского государства». Пг., 1920. С. 3—7.

и для ускорения памяти М. Д. Присьякова, опубликовав о нем ряд статей,⁵ руководил работой по переизданию его последней книги (Я. С. являлся ее ответственным редактором, написал предисловие и примечания).⁶ Специализируясь у Присьякова по истории средневековой России, Я. С. занимался этой эпохой до конца жизни. Его кандидатская диссертация, защищенная необычно рано, когда Я. С. был всего двадцать один год, посвящена истории русско-английских отношений времени царствования Ивана IV. Постепенно расширяя диапазон своих научных интересов, Я. С. включался в работу над проблематикой, которая была ведущей у его учителя, — текстология, археография, церковно-политическая история, общественная мысль, наконец, история летописания. Печидке Я. С. плодотворно трудился над исследованием древнерусской литературы, принося в эту сферу подлинный историзм.

Расширение проблематики научных занятий Я. С. было, отчасти, естественным следствием накопления опыта, но вызывалось также и внешними обстоятельствами. Его успешное преподавание в Педагогическом институте им. А. И. Герцена и в Академии художеств было прервано в 1949 г., когда Я. С. был уволен из этих

⁵ См.: *Лурье Я. С.* 1) Михаил Дмитриевич Присьяков — источник жизни // ТОДРП. Т. 18. М.: ИЛ, 1962. С. 464—475; 2) М. Д. Присьяков // Советская историческая энциклопедия. Т. 11. М., 1968. (Стб. 572); 3) 50 лет книге «История русского летописания XI—XV вв.» М. Д. Присьякова // Памятные книжные дни. М., 1990. С. 59—62; 4) Схема истории летописания А. А. Шахматова и М. Д. Присьякова и пути дальнейшего исследования летописей // ТОДРП. Т. 34. Л., 1990. С. 185—195; 5) Михаил Дмитриевич Присьяков и вопросы русского летописания // Отечественная история. 1995. № 1. С. 146—159.

⁶ *Присьяков М. Д.* История русского летописания XI—XV вв. 2-е изд. СПб., 1996.

учебных заведений в процессе «борьбы с космополитизмом». Он не только за четыре года сделался безработным, но и навсегда лишился возможности вести педагогическую работу — обстоятельство, которое тяжело переживал (живя, на последнем году жизни Я. С. прочитал на Открытых аспирантских курсах Европейского университета в С.-Петербурге коротких курс лекций по источниковедению). Уже будучи безработным, он по приглашению Д. С. Лихачева и совместно с ним принял участие в издании в серии «Литературные памятники» «Посланий Ивана Грозного». С 1953 по 1957 г. Я. С. работал в Музее истории религии и этнома, результатом чего стала книга, написанная в соавторстве с Н. А. Катановой, об антифеодалных еретических движениях на Руси XIV—начала XVI в.⁷ Ему в ней принадлежит раздел, посвященный московско-новгородской ереси времени Ивана III.

Этой проблематикой Я. С. продолжал заниматься и в Институте русской литературы (Пушкинском Доме), в Секторе древнерусской литературы которого он проработал с 1957 по 1982 г. В частности, здесь было завершено исследование, ставшее докторской диссертацией, об идеологической борьбе в русской публицистике конца XV—начала XVI в.⁸ Вслед за тем Я. С. вплотную приступает к исследованию русского летоисчисления XIV—XV вв. Фундаментальная монография, посвященная этой проблеме, после ряда частных исследований была издана в 1976 г.⁹ Параллельно Я. С. многократно занимался издательской деятельностью, издав ряд памятников древнерусской письменности (частично совместно с коллегами).¹⁰ Глубок вклад Я. С. и в исследовании древнерусской литературы. Под его руководством и при его участии издан коллективный труд об истоках русской беллетристики.¹¹

Современность интересовала ученого не менее, чем русские древности. Его общественный темперамент проявился в исторической публицистике и в углубленных исследованиях исторических воззрений Льва Толстого, социальных аспектов творчества Михаила Бул-

⁷ Послания Ивана Грозного. М.: Л., 1951.

⁸ Катанова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодалные еретические движения на Руси XIV—начала XVI в. М.: Л., 1955.

⁹ Лурье Я. С. Историографическая борьба в русской публицистике конца XV—начала XVI века. М.: Л., 1960.

¹⁰ Лурье Я. С. Общественное летоисчисление XIV—XV вв. Л., 1976.

¹¹ См., напр.: Послания Иосифа Волоцкого. М.: Л., 1959 (совместно с А. А. Зиминским); Повесть о Дракуле. М.: Л., 1964; Александрийские Романы об Александре Македонском по русской рукописи XV в. М.: Л., 1965 (совместно с М. П. Потемкинским и О. В. Твороговым); Стефани и Пхивият: Средневековая книга басен по русским летописям XV—XVII вв. Л., 1969 (совместно с О. П. Лихачевой); Переломы Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л., 1979 (совместно с Ю. Д. Рыковом, В. Г. Кабриным, Д. С. Лихачевым, О. В. Твороговым); Хождение за три моря Афанасия Никитина. Л., 1986 (совместно с Л. С. Семеновым); ИСРЛ. Т. 38: Раздвинцовская летопись. Л., 1989. (предисловие Я. С. Лурье, редакционная коллегия: М. П. Прушников, М. В. Кукушкина, Я. С. Лурье. Издание подготовлено М. Д. Прилепкиным, О. П. Лихачевой, Р. М. Мавродитой и Е. К. Пиотровской). Инициатором издания, подготовку которого начал М. Д. Прилежков и чьи материалы сохранились в его личном фонде, был Я. С. Лурье. Подготовлен под руководством и редакцией Я. С. Лурье т. 40 ИСРЛ (Новгородская Карамзинская летопись).

¹² Истоки русской беллетристики: Воинские жанры сюжетного повествования и древнерусской литературы. Л., 1970.

гакова, Илья Ильфа и Евгения Петрова. Изобретения исследовательская техника, выработанная при анализе средневековых текстов и примененная для изучения и публикации памятников литературы нового и новейшего времени, привела к новаторскому прочтению сочинений современников Я. С., к критическому изданию их шестиде-

Я. С., к счастью, не разделял судьбу своего учителя — не был репрессирован, но он подвергался политическим преследованиям не только в конце 40-х годов. Политическая подоплека стала подлинной причиной и увольнения в 1982 г. маститого ученого, которому незадолго до этого исполнился всего шестидесять один год, из Института русской литературы: Я. С. в качестве свидетеля защиты выступил на скандально известном судебном процессе по делу А. Б. Рогинского.¹³

Но и вновь став безработным, правда теперь пенсионером, Я. С. публикует большое количество исторических источников и памятников художественной литературы, проводит в связи с этим большую текстологическую работу, в частности в связи с изданием сочинений М. А. Бужакова,¹⁴ пишет статьи, готовит и издает пять монографий.¹⁵

Начиная с 1966 г. Я. С. публикует ряд статей, в которых рассматриваются проблемы методологии и методологии исторической науки и ее источниковедческих основ. Побудительным импульсом, как правило, становилось появление работ, в которых нарушались основополагающие принципы критики источников, являвшиеся непререкаемым условием подлинной научности. Присутствующее внимание Я. С. уделял методике критики нарративных источников, исследованием которых постоянно занимался сам. Он не свел воедино свои отдельные труды, посвященные этой проблематике, но по отдельным статьям можно воссоздать целостную картину, дающую представление о его внутренних, казавшихся роли источника, факта и теории в исторических исследованиях.

Будучи, как и его отец, материалистом и придерживаясь марксистской теории — в ее интерпретации К. Каутским и Г. В. Плехановым — при полном отрицании спекулятивной диалектики ленинско-Сталинского толка, Я. С. считал, что исторический процесс детерминирован в конечном счете экономическими отношениями и потому объективен, а следовательно, познаваем. Цель же исторической науки — выяснение «закономерности развития человеческого общества».¹⁶ Однако ее познание чрезвычайно сложно из-за того,

¹³ А. Б. Рогинский, работавший секретарем Я. С., участвовал в подготовке альманаха «Память», издававшегося в Париже.

¹⁴ Я. С. провел текстологическую работу и подготовил критическое издание шестидесяти романов Л. Н. Толстого «Война и мир» (см.: Бужаков М. А. Письма 20-х годов, Л., 1989; Бужаков М. А. Собр. соч. II 5 т. Т. 4. М., 1996).

¹⁵ Курдымов А. А. [Я. С. Лурье]. В краю неустойчивых миров: Книга об Ильфе и Петрове. Париж, 1983; Конрахович-Лурье Е. Я. [Я. С. Лурье]. История одной жизни. Париж, 1987; Лурье Я. С. 1) Русские современники Возрождения: Книгоиздательство Евразия. Джек Федор Курцилл. Л., 1988; 2) После Льва Толстого: Исторические восторги Толстого и проблемы XX в. СПб., 1992; 3) Две истории Руси 15 в.: Религия и политика, неканоничные и официальные летописи об образовании Московского государства. Париж: СПб., 1994.

¹⁶ Лурье Я. С. О некоторых признаках кризиса источников // Историко-ведческие отечественной истории. Сб. статей. Вып. 1. М., 1973. С. 100.

что историк «имеет дело главным образом с явлениями, которые он не в состоянии непосредственно наблюдать и которые относятся к прошлому», почему он лишен «всякой возможности воспроизвести вновь, в порядке эксперимента, интересующие его факты». ¹⁷ Для их установления с максимальной достоверностью необходимо соблюдение определенной иерархии исследовательских процедур.

Следуя в фарватере петербургской исторической школы, Я. С. многократно обращал внимание на то, что в основе всякого исторического факта, знания, обнаруженной закономерности лежит источник, подвергнутый внутренней и внешней критике: «Источник — единственная эмпирическая основа наших исторических знаний, и разработка единых последовательно продуманных принципов источниковедческой критики — важнейшая задача исторической науки». ¹⁸ Это означает, что прежде, чем устанавливать отдельные факты, опираясь на показания источников, каждый из них необходимо предварительно подвергнуть комплексному исследованию, т. е. датировать, определить происхождение, состав, назначение, степень тенденциозности, уровень осведомленности и т. д. Разумеется, такой комплексный подход основывается в том числе на работе отдельных известных источника, сопоставлении с другими памятниками, определении степени тенденциозности. Поэтому чаще всего «анализ известных и исследование памятника идут параллельно и объединяются в окончательном выводе». Но, констатирует Я. С., «иногда выводы, полученные из этих аналитических операций, приходят в противоречие друг с другом». Тогда «перед исследователем встает вопрос о соотношении отдельных этапов источниковедческой критики — о том, что именно служит основой для окончательного вывода: анализ конкретного известия или общая характеристика источника». ¹⁹ Я. С. решительно настаивает на том, что только суммирование двух групп наблюдений — «данных, относящихся к самому памятнику», «его структуре, истории текста и т. д.», с одной стороны, и «наблюдений над его отдельными показаниями» дает право исследователю «на этом основании строить общую характеристику источника <...>, а уж от нее переходить к выводам о достоверности отдельных фактов». ²⁰

Но реализация на практике принципа предварительного исследования всякого памятника не только сложна, но и связана с необходимостью, установив «острую пристрастность источника, его относительно подвижной или детерминированный характер <...> ставить под сомнение выводы», ранее казавшиеся исследователю «относительно вероятными». Однако, с беспокойством отмечал Я. С., оппозиция «такому обременительному методу не раз высказывалась в теории и, еще чаще, в практике работы над источником». ²¹

Эту трудность пытался в ряде случаев преодолеть, следуя по более легкому пути. В частности, стремился «прямо переходить»

¹⁷ Лурье Я. С. О гниетях и догадках в источниковедении // Источниковедение отечественной истории: Сб. статей. 1976. М., 1977. С. 26.

¹⁸ Лурье Я. С. О некоторых принципах критики источников. С. 106.

¹⁹ Там же. С. 86.

²⁰ Там же. С. 87.

²¹ Там же. С. 82.

«от отдельных известий <...> к заключению о вероятности факта», т. е., по терминологии Я. С., к «короткому замыканию», пренебрегая подозрительностью, недостоверностью или позднейшим пропущением источника в целом и тщательно итывая из него только «то, что противоречит естественнонаучно и логике», но оставляя все остальное»²².

Эта печальная «историографическая традиция, которая встречается не так уж редко»,²³ при обсуждении доклада Б. Д. Грекова «Работы и феодализм в Киевской Руси» определена была С. Н. Черновым термином «потребительское отношение к источникам»,²⁴ и Я. С. многократно им оперировал, анализируя и критикуя работы своих предшественников и современников.²⁵

Другой дефектный, но более легкий путь, противопоставляемый предварительному комплексному исследованию источника, Я. С. вслед за А. Е. Пресняковым видел в попытках установления конкретных исторических фактов на основе «законов исторических условий жизни», общих «законов человеческой природы», свойств данного народа (Н. И. Надежин, С. М. Соловьев и др.). А. Е. Пресняков, впервые обративший внимание на эту тенденцию в трудах представителей юридической школы, писал, что в их интерпретации история становится жертвой «теоретического подхода к материалу, который обратил данные первоисточников в ряд иллюстраций готовой, но не из них вышедшей схемы».²⁶ При этом Я. С., как и А. Е. Пресняков, отнюдь не отрицал наличия социологических и исторических предпосылок изучения источников.²⁷ Он только определял границы их роли в процессе установления «достоверности факта, сообщаемого источником»: «Философские и общечеловеческие предпосылки указывают на возможность и вероятность тех или иных фактов, определяющих направление историкоисследовательских размышлений».²⁸ Поэтому «исследование источника должно преимущественно выделять из него „вероятных“ и „невероятных“ известия». Даже если одно из известий в источнике, «чья достоверность внушает сомнения», «совпадает с косвенными показаниями других источников», более того — «правдоподобно», это, как показал Я. С., не дает веских оснований для пересмотра отношения к источнику в целом, поскольку «„правдоподобие“ — опасная категория; совпадение между показаниями источника и „общей обстановкой“ может быть и случайным».²⁹

Соотношение между теоретическими построениями и эмпирическим материалом в исторических исследованиях рассматривалось Я. С. в связи с попытками в исторической литературе установления

²² Там же. С. 91.

²³ Там же. С. 89.

²⁴ Известия ГАИМК. Вып. 86. 1934. С. 111—112.

²⁵ Впервые Я. С. Лурье сослался на выступление С. Н. Чернова и применил этот термин в статье «Критика источника и вероятность известия» (Культура древней Руси. М., 1966. С. 122).

²⁶ Пресняков А. Е. Образование Великорусского государства... С. V—VI, 26.

²⁷ Пресняков А. Е. Речь перед защитой диссертации под заглавием «Образование Великорусского государства». С. 5.

²⁸ Лурье Я. С. Критика источника и вероятность известия. С. 123.

²⁹ Там же. С. 125.

фактов на основе дедуктивного метода. Вступив в полемику по этому вопросу с польским историком Е. Топольским, который ввел в историческую науку понятие «внеисточниковое знание»,¹⁰ Я. С. считал эту проблему важнейшим элементом логических основ критики источника и углубил свою аргументацию против приоритета «теории» дедукции.

Хотя Е. Топольский специально оговорил, что это определение не имеет и виду абсолютно априорное знание и что «в конечном счете все человеческое знание основывается на источниках»,¹¹ он выступил против их фетишизации и тупидонализма, весьма распространенных, по его мнению, среди историков. Если речь идет о знании, полученном «вне данного источника», то такое «внеисточниковое знание», разумеется, не отвергается Я. С.¹² Но он категорически настаивает на ограничениях и пределах «применения дедукции в историко-филологическом исследовании». Теоретическое (= «внеисточниковое») знание имеет безусловное эвристическое значение, и только, пишет Я. С.: «...исследователь рассматривает и устанавливает не все исторические факты, число которых бесконечно, а те, которые связаны с объектом его исследования, с поставленным им вопросом»; это относится и к синтезирующему историческому построению, основывающемуся «не на единичных фактах, а на целой системе фактов и общих, установленных обычно вне данного исследования, положениях».¹³ При установлении фактов вопросы, которые ставит историк, «вытекают из общей системы его знаний и исследовательских интересов». Однако если достоверных свидетельств о них в источниках нет, то «исходить следует в этом случае не из абстрактного „знания, основанного на источниках“, а из сведений о конкретном источнике или источниках». Следовательно, «данные „внеисточникового знания“ не имеют доказательного значения».¹⁴

С соотношением между «источниковым» и «внеисточниковым» обоснованием научного вывода Я. С. связывает «различие между пониманием гипотезы и догадки»: «Исследователь постоянно имеет дело со случаями, когда для истолкования определенных показаний источника можно предложить несколько гипотез, и не всегда он способен решить, какая из них „наиболее вероятна“, но во всех случаях они основываются на необходимости объяснить показания источника». Что же касается догадки, то она «в ряде случаев возникает независимо от конкретного указания источника — она основывается на самой простой возможности того или иного факта, даже если о нем ничего не сообщает никакая источник».¹⁵

Именно «вероятностный» характер многих данных, которыми располагают исторические <...> науки, делает особенно настоятельной необходимость четкого разграничения *прямых* показаний источ-

¹⁰ *Topolski J. Metodologia historii. Warszawa. 1968; Idem. Methodology of History. Warsaw. 1973; Он же. О роли внеисточникового знания в исторических исследованиях // Вопросы философии, 1973, № 5.*

¹¹ *Топольский Е. О роли внеисточникового знания — С. 78.*

¹² *Лурье Я. С. Логические основы критики источника // Историко-филологические размышления. Тбилиси, 1985, С. 39.*

¹³ Там же, С. 35.

¹⁴ Там же, С. 38.

¹⁵ Там же, С. 39.

ников, *гипотез*, дающих наиболее убедительные обоснования используемым показаниям, и наконец, простых *догадок*). Гипотезу Я. С. определяет как «такое предположение, которое должно объяснить определенную, объективно существующую совокупность явлений (в исторической науке — данных источника)». Поэтому «существует понятие *необходимости* гипотезы и условия ее научного доказательства» (здесь и далее курсив автора). Необходимость гипотезы «вытекает из совокупности эмпирических наблюдений, существующих реально и требующих объяснения». Именно поэтому, отвергая какую-либо гипотезу, «историк не может ограничиться простым ее отрицанием, а обязан предложить альтернативную гипотезу, которая объяснила бы соответствующие явления лучше или, по крайней мере, не хуже, чем отвергаемая гипотеза».³⁴

Я. С. указывает и на определенные логические условия состоятельности историкоисследовательской гипотезы: «...она должна находиться в полном соответствии с фактическим материалом и охватывать своим объяснением весь этот материал, должна удовлетворять условию максимальной простоты, ограничиваясь необходимыми логическими звеньями и не вводя лишних».³⁵

Но исследователь имеет дело «не только с гипотезами, но и с системами гипотез, связанными между собой». Убедительность таких «систематических систем зависит не только от убедительности обобщающей гипотезы, связывающей отдельные элементы, но и от степени доказательности каждого из звеньев системы», в частности, «убедительности исходной гипотезы и тех эмпирических данных, которые положены в ее основу».³⁶

Другое дело догадка. Отметим, что в логике догадкой «именуется любое, причем не ограниченное, предположение о факте, который мог происходить». Я. С. констатирует, что в исторической науке, в отличие от экспериментальных наук, модификация догадки в гипотезу посредством эмпирической проверки встречается как исключение. Поэтому догадки и гипотезы «существуют здесь независимо друг от друга». Разумеется, обычно догадка — результат не произвола исследователей, а «какой-то научной потребности». Поскольку источники, дошедшие до нас, «дают ответы не на все вопросы, возникающие у исследователя», естественно «желание заполнить эти пробелы предположением о том, что *могло* происходить». Следовательно, «догадка возникает в значительной мере из недостатка данных по какому-либо вопросу». В отличие от гипотезы, которая «строится на необходимости (хотя и неоднозначной)», основой догадки является только возможность. Поэтому, если для опровержения гипотезы требуется «альтернативное объяснение соответствующей совокупности явлений», то «для отказа от догадки достаточно простого указания на отсутствие данных по поставленному вопросу».³⁷

Такое различие относит, не отрицает, развивает свою мысль Я. С. далее, «что догадка представляет собой явление, совершенно

³⁴ Дурье Я. С. О гипотезах и догадках в историкоисследовании. С. 29.

³⁵ Там же. С. 31.

³⁶ Там же. С. 36–37.

³⁷ Там же. С. 32–33.

недопустимое в исторической науке». Напротив, строя «гипотезу или систему гипотез, исследователи нередко дополняют эти построения предположениями о том, каким *мог* быть гипотетический памятник или могли происходить реконструируемые события». Предположения в этих случаях завершают «систему эмпирических наблюдений и связывающих такие наблюдения гипотез», почему «отказ от заключительных догадок <...> не ставит под сомнение систему в целом».⁴⁰ Следует только ясно различать «гипотетические системы, основанные на доказываемых гипотезах», от таких систем, которые представляют собой «простое сочетание догадок».⁴¹

Важную роль Я. С. придавал гипотезам при решении одной из самых трудных задач источниковедения — обосновании наличия «заслуживающих доверия известий в сомнительном источнике — остро тенденциозном и относительно позднем».⁴²

Один из возможных путей частичного использования источника Я. С. видит в определении «разновременных слоев внутри дошедших до нас памятников». Другой путь сводится к определению «основной тенденции источника и сопоставлению его конкретных показаний с этой тенденцией». Исследователь «не вправе привлечь к нему то, что непосредственно отражает основную тенденцию <...>, а должен искать такие случаи, когда источник *проговаривается* — говорит нечто такое, что необязательно или даже прямо противно с точки зрения его тенденции».⁴³ Следует при этом иметь в виду, предостерегает Я. С., что историк, желая вопреки установленному факту недоброкачественности источника «привлечь то или иное известие такого источника, обязан *доказать*, почему в данном случае тенденциозный автор вынужден был говорить правду, а подлинный собиратель преданий сообщил подлинный факт».⁴⁴

Примером крайнего проявления антинаучной тенденции, заключающейся в отказе от комплексного анализа источника, обязательно предшествующего установлению на его основе исторических фактов, по оценке Я. С., стало провозглашение так называемого принципа «презумпции невинности источника».⁴⁵ Историческому источнику в этом случае придавался особый статус обвиняемого, по отношению к которому принцип «презумпции невинности» принят в юриспруденции правовых обществ. Признавая сходство работы «историка-исследователя <...> с юридической процедурой», Я. С. отметил, что источник при этом «играет роль <...> не одной из тяжущихся сторон», не подсудимого, а свидетеля. Отношение же историка к нему «никак нельзя отождествлять с позицией обвинителя по отношению к обвиняемому». Подобно тому, как нет смысла «привлекать к дознанию свидетеля, не выяснив предварительно, насколько он знаком с обстоятельствами и способен дать существенные и заслуживающие доверия показания», настолько «нельзя привлекать источник, не установив предварительно степень его при-

⁴⁰ Там же. С. 35—36.

⁴¹ Там же. С. 39.

⁴² Лурье Я. С. О некоторых принципах критики источников. С. 92.

⁴³ Там же. С. 93—94.

⁴⁴ Там же. С. 98.

⁴⁵ См.: Курьян А. Г. Спорные вопросы методологии изучения русских летописей // Вопросы истории. 1973. № 2.

страстности и, что еще важнее, степень осведомленности». Иначе, пишет Я. С., «провоцируемый принцип „презумпции невиновности“ источника превратится в „презумпцию достоверности свидетеля“, а это опасная презумпция», ведущая к полному откату от критики источника.

Я. С. категорически отвергает этот подход: «Задача историка не „осуждение“ и не „защита“ источника, а прежде всего установление того, что он представляет собой и какие вопросы могут быть перед ним поставлены. Обращаясь к источникам, исследователь должен отрешиться от какой бы то ни было „презумпции“. Единственной целью их изучения является установление истины».⁴⁶

Установление истины — трудоемкая и в то же время увлекательная задача. Вся профессиональная деятельность Я. С. была посвящена ее решению. Особенно рельефно, выразительно и последовательно это проявилось в его трудах по летописному источниковедению. Я. С. опирался при этом именно на те принципы, которыми руководствовалась петербургская историческая школа и в разработке которых он сам принимал непосредственное участие. Я. С. всегда придерживался строгой иерархии исследовательских процедур. Сначала выявление и критика летописных источников для выяснения степени их достоверности (по возможности их критическое издание), затем установление исторических фактов, выдвижение гипотез и построение системы гипотез и только после этого синтез, то есть воссоздание истории.

Первая статья Я. С. по летописанию вышла из печати в 1955 г.⁴⁷ Уже в ней автор обозначил ряд направлений, сделав некоторые наблюдения и пришел к ряду выводов о летописании XV в., в частности о соотношении официальной и неофициальной его линий. Но основные его труды по этой теме появились все же позднее, в 60-е годы и особенно начиная с 70-х годов. Тогда вышла в свет серия статей по летописанию XIV—XV вв., получивших широкое признание и в значительной мере объединенных впоследствии в книге «Общерусские летописи XIV—XV вв.». Ее автор с этого времени признан наиболее авторитетным специалистом по летописанию вообще и периода складывания Московского государства в частности.

В отличие от многих текстологов, Я. С., как и М. Д. Присьяков, шел от конкретно-исторических поисков к истории летописных источников, которая не может быть прослежена в отрыве от установления общей схемы истории летописания, а значит, и от тщательного анализа отдельных ветвей единого летописного древа. В Я. С. уникально сочетался ученый, владевший шахматовским методом изучения летописей (чем далеко не всегда обладают специа-

⁴⁶ Лурье Я. С. О путях доказательств при анализе источников (на материале древнерусских памятников) // Вопросы истории. 1985. № 5. С. 65—68. См. также: Лурье Я. С. О так называемой «презумпции невиновности» источника // Актуальные проблемы изучения и издания письменных исторических источников. Всесоюзная школа, посвященная 60-летию образования СССР. Тезисы докладов. Тбилиси, 1982. С. 49—51. Я. С. Лурье в критике этой концепции опирался на признанные достижения российских и зарубежной историографии, в частности на труды А. С. Лавно-Давыдовского и Р. Дж. Коллинзвуда.

⁴⁷ Лурье Я. С. Из истории летописания конца XV века // ТОДРП. Т. 9. М., Л., 1955. С. 156—186.

листы по политической и социальной истории) и глубокий исследователь-историк. Как и для А. А. Шахматова и М. Д. Присежкова, для Я. С. текстология никогда не существовала ради нее самой. Летописи для него прежде всего были историческим источником особого рода, который требует специфических методов исследования.

Творчество Я. С. по летописанию многоаспектно. Во-первых, как уже было сказано, это история летописания XIV—XV вв. Статьи и книга автора по этой проблеме стали продолжением работ А. А. Шахматова, М. Д. Присежкова и А. Н. Насонова. Эти его предшественники оставили фундаментальные труды по летописанию с момента его зарождения и вплоть до конца XV в. (А. А. Шахматов, М. Д. Присежков) и даже по XVIII в. включительно (А. Н. Насонов). Как неоднократно отмечал сам Я. С., А. А. Шахматов создал полную схему истории русского летописания, которая затем была приведена в систему М. Д. Присежковым (написавшим последовательную историю составления летописей) и дополнена А. Н. Насоновым. Книга последнего, вышедшая в 1969 г., дала основание для пересмотра ряда предположений А. А. Шахматова и М. Д. Присежкова.

Примерно с 60-х годов наступил новый этап в развитии шахматовской школы летописного источниковедения. От создания и уточнения общей схемы истории летописания необходимо было перейти к более тщательному изучению отдельных ветвей летописного древа с учетом новых обнаруженных к тому времени памятников, раскрыть «оболочные скобки», по определению М. Д. Присежкова, заложенные А. А. Шахматовым в его схеме.⁴⁸ А. Н. Насонов сделал это по отношению к Тверскому и Исковскому летописанию. Я. С. занялся общерусскими летописями. Он значительно продвинул их изучение, исследовал многие ранее известные моменты, конкретизировал сюжеты, лишь намеченные А. А. Шахматовым, пересмотрел многие характеристики летописных сводов и их взаимоотношений, что привело к изменению общей картины истории летописания XIV—XV вв.

Так, Я. С. дал гораздо более развернутую характеристику Лаврентьевской летописи, чем это было сделано до него, рассмотрел ее как цельный памятник, как «единое ядро», основу всего летописного изложения с древнейших времен до начала XIV в., и как великокняжеский свод Михаила Ярославича Тверского. При этом некоторые моменты шахматовской характеристики, например гипотетического Полихрона начала XIV в., были пересмотрены, отчасти вслед за М. Д. Присежковым. Значительное место Я. С. уделил и проблеме источников Лаврентьевской летописи. Он развил также взгляды своих предшественников на утраченную Троицкую летопись. Последний М. Д. Присежков занимался специально и подготовил ее реконструкцию, изданную посмертно. Я. С. считал, что неполнота

⁴⁸ По терминологии М. Д. Присежкова, А. А. Шахматов при построении своей схемы использовал метод «больших скобок», как при решении сложных алгебраических уравнений. В эти «скобки» он заключал некоторые звенья схемы — свои предельные предположения, чтобы подходе приступить к «раскрытию скобок», то есть к уточнению анализа текста (см. Присежков М. Д. 1) Русское летописание и труды А. А. Шахматова // ИОРЯС. Т. 25. 1921. С. 45; 2) История русского летописания XI—XV вв. 2-е изд. С. 45).

наших сведений о Троицкой летописи является «одной из причин споров и сомнений относительно состава общерусского летописания XIV в.»⁴⁹ В распоряжении Я. С. уже имелись летописи, неизвесны в свое время М. Д. Приселкову (Владимирский летописец, Белорусская I летопись), тексты которых он использовал для сравнения. Реконструкция М. Д. Приселкова была дополнена Я. С., который развил и детализировал общую характеристику Троицкой летописи, дающую учителем, в частности в вопросе об ее источниках. А. А. Шахматов и М. Д. Приселков считали, что прототипом Троицкой летописи был «Летописец Великий Русский» 1389 г., отразившийся также в Симеоновской летописи и Рогожском летописце. М. Д. Приселков считал гипотезу о «Летописце Великом Русском» принципиально важной и предполагал существование нескольких редакций этого сочинения. Однако Я. С., продолжая изучение проблемы, с гораздо большей осторожностью подошел к ее разрешению и фактически показал, что взаимоотношения летописей конца XIV—XV в. объяснимы и без гипотезы о «Летописце Великом Русском». Поэтому теперь пользование Троицкой летописью без учета этих выводов уже невозможно. Кроме того, исследование Троицкой летописи выявило Я. С. на очень важный общий вопрос — о московском великокняжеском летописании до конца XIV в. Он установил, что до этого момента речь может идти лишь об отдельных летописных записях и семейной хронике дома Калиты. А задача создания общерусского летописания была решена лишь в следующем веке. И это в значительной мере меняло существовавшие ранее представления о летописании XIV в.

Обратясь к летописанию XV в., Я. С. прежде всего проанализировал общий источник Софийской I и Новгородской IV летописей — Новгородско-Софийский свод, которому он придавал особое значение, считая его «Нестором XV в.»⁵⁰ — одним из важнейших этапов в истории русского летописания и той основой, из которой в той или иной степени вышли все последующие летописные своды. А. А. Шахматов, первым обративший внимание на близость до определенного года Софийской I и Новгородской IV летописей, находил этому объяснение в существовании у них общего прототипа — Свода 1448 г. Он, а вслед за ним и М. Д. Приселков полагали также, что в основе Свода 1448 г. лежал «Владимирский Полихрон» («Полихрон Фотия», «Полихрон 1418 г.»), отразившийся и в некоторых других дошедших до нас летописных текстах. Однако позднее восхождение этих последних к Полихрону не было подтверждено. Я. С. изучил источники Свода 1448 г., показав сложность его состава и его связь со Сводом 1305 г. (Лаврентьевской летописью), Сводом 1408 г. (Троицкой летописью), ростовским сводом, тверской и исковской летописями и др. (всего им было выявлено шесть источников). В результате исследования Я. С. пришел к выводу, что текст Свода 1448 г. восстанавливается и без гипотезы о Полихроне как его промежуточном общерусском источнике. Тем самым он был исключен из общей схемы летописания, и эта важная корректура была признана в науке. Вопрос о прототипе Софийской I и Нов-

⁴⁹ Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв. С. 28.

⁵⁰ Лурье Я. С. Две истории Руси 15 в. С. 116.

городской IV летописей — Новгородско-Софийском своде, а также об отношении к нему Новгородской Карамзинской летописи был тщательно рассмотрен в ходе дискуссии между Я. С. и Г. М. Прохоровым. При этом Я. С. усовершенствовал свою систему аргументации. В настоящее время новая точка зрения, отчасти примыкающая к мнению Г. М. Прохорова, предложил А. Г. Бобровым. Думается, эта проблема еще будет разрабатываться. Приходится лишь сожалеть о том, что Я. С. уже не сможет принять в этом участие.³¹

Я. С. исследовал также великокняжеские своды 70-х годов, отразившиеся в Никаноровской и Вологодско-Пермской летописях, и летописание 90-х годов. Таким образом, все этапы официального летописной работы XV в. были последовательно изучены, схема Шахматова — Приселкова в разделе XIV—XV вв. пересмотрена и исправлена, в результате чего была создана новая, гораздо более ясно и детально проработанная схема русского летописания за период от Михаила Тверского до Ивана III, на которую будет опираться не одно поколение историков.

Ранее считалось, что до середины XV в. параллельно с официальными великокняжескими летописями велось официальное же митрополичьи летописи. А. Н. Насонов полагал даже, что этот параллелизм существовал до XVI в. Я. С. подтвердил эту точку зрения проверке. Он показал, что необходимо говорить не о великокняжеском и митрополичьем, а об официальном и неофициальном летописании XV в. К последнему термин «официальное летописание». Им было выявлено и исследовано несколько общерусских неправительственных сводов, лежащих в основе Софийской II — Львовской, Ермоинской, Типографской и некоторых других летописей (Кирилло-Белозерский свод 70-х годов XV в., ростовский свод, московский свод 80-х годов, связанный с церковными крутами, общими с Ивану III). Эти выводы имеют первостепенное значение для изучения целого ряда проблем русской истории, при анализе которых исследователи в основном опирались на официальные московские летописи, не учитывая данную их особенность.

Над общей картиной летописания XIV—XV вв. Я. С. продолжал работать постоянно и после издания монографии об общерусских летописях XIV—XV вв., детализируя, внося изменения, если того требовали новые данные и новые появившиеся работы других исследователей. Вместе с тем он как никто другой понимал всю сложность изучения истории летописания, опасность делать на этом пути окончательные выводы. Как и у А. А. Шахматова и всех остальных ученых его школы, у Я. С. сочетались глубоко аргументированные гипотезы с предположениями и догадками, его датировки и атрибуции касались как основных сводов (по терминологии А. А. Шахматова) — протографов реально дошедших летописей, так и протографов этих сводов. И в каждом случае систематическая доказательность выводов с неизбежностью была ратифицирована. Некоторые

³¹ Прохоров Г. М. Летописные подборки рукописей ГИМ FIV.603 и проблема единого общерусского летописания // ТОДРП. Т. 32. М., 1977. С. 165—198; Лурье Я. С. Еще раз о своде 1448 г. и Новгородской Карамзинской летописи // Там же. С. 199—218; Бобров А. П. Из истории летописания первой половины XV в. // Там же. Т. 46. СПб., 1993. С. 6—11; Он же. Новгородские летописи XV века (Исследования и тексты). Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 1996. С. 12—32.

он потом пересматривал сам, некоторые, конечно, будут пересмотрены впоследствии. Но, как и в работах А. А. Шахматова, пересмотр конечных гипотез и догадок не подрывает самих наблюдений, на основе которых они были сделаны. В таких случаях эти наблюдения потребуют другого объяснения. Примером может послужить изменение Я. С. в последние годы датировки Новгородско-Софийского свода. В книге 1976 г. он принимал его датировку, предложенную А. А. Шахматовым (1448 г.).⁵² Позднее Я. С. пришел к выводу, что Новгородская IV летопись, опирающаяся на этот свод, была составлена уже к 1437 г. Поэтому в последней книге он писал о составлении Новгородско-Софийского свода до 1437 г., отмечая, что более конкретное время может быть названо лишь предположительно (1433—1435 гг.).⁵³ Но датировка Новгородской IV летописи временем до 1437 г. оказалась ошибочной, о чем Я. С. стало известно уже после выхода этой работы, в связи с чем он размышлял о возврате к старой шахматовской датировке 1448 г.

Следует особо остановиться на том внимании, какое Я. С. уделял графическому изображению летописных схем. Некоторые его предшественники и современники, сознавая тот факт, что их выводы часто носят предположительный характер, избегали публиковать такие схемы (А. Н. Насонов, Б. М. Ключев). Я. С. был горячим сторонником иного подхода. В рецензии на книгу Б. М. Ключева о Никоновской летописи отмечается, что в работе, «к сожалению, нет схемы, отражающей волею автора на происхождение Никоновской летописи».⁵⁴ Гораздо более резко он высказался в адрес А. Г. Кузьмина, работу которого, направленную против шахматовского метода, подверг уничтожающей критике, отмечая, в частности, что отсутствие схемы является «снобообразным выводом» из книги. «Когда исследователь имеет определенное мнение о происхождении исследуемых им текстов, о взаимоотношениях между ними, ему нетрудно выразить это мнение графически — как нетрудно человеку, имеющему представление о дороге, изобразить ее на простом чертеже».⁵⁵ Не случайно на обложке книги Я. С. об общерусских летописях помещен символический отпечаток летописной схемы. О том, какое важное значение он придавал графикам, говорит и тот факт, что Я. С. составил специальное приложение к своему предисловию в переизданном под его редакцией курсе лекций по летописанию М. Д. Присьелкова. У последнего были приведены лишь отдельные элементы летописных семей. Я. С. на их основе составил схему русского летописания по М. Д. Присьелкову.⁵⁶ Важнейшим итогом научных размышлений Я. С. было составление им собственной генеалогической схемы русских летописей XI—XVI вв.⁵⁷ Подобное отношение

⁵² Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв. С. 116—170.

⁵³ Лурье Я. С. Две истории Руси 15 в. С. 109—116.

⁵⁴ Лурье Я. С. [Рец. на кн.] Б. М. Ключев. Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII веков // История СССР. 1981. № 1. С. 173.

⁵⁵ Лурье Я. С. О возможности и необходимости при исследовании летописей // ТОДРП. Т. 36. Л., 1981. С. 24.

⁵⁶ Присьелков М. Д. История русского летописания XI—XV вв. 2-е изд. С. 22.

⁵⁷ Лурье Я. С. Генеалогическая схема летописей X—XVI вв., включенных в «Доводы, книжники и книжности Древней Руси» // ТОДРП. Т. 40. Л., 1985. С. 190—205.

Я. С. к графическому изображению чужих и своих выводов, возможно, находит объяснение в его общей оценке схемы летописания Шахматова—Приселкова. Он считал, что «общая схема истории летописания», предложенная ими, «в основном выдержала испытание временем».⁵⁸

Обоснованию этого вывода Я. С. посвятил много времени и сил. Это было вторым аспектом его работы по летописному источниковедению, который можно было бы назвать теоретическим. Первая статья этого плана появилась в 1962 г. и была посвящена его учителю М. Д. Приселкову.⁵⁹ Затем появилась целая серия статей об А. А. Шахматове и М. Д. Приселкове, о сущности шахматовского метода, задачах, стоящих перед исследователями летописания.

Я. С. понимал, что шахматовский метод, совершивший перелом в отечественном источниковедении в начале XX в., является единственно научным подходом к изучению летописания, дающим к тому же и наиболее плодотворные результаты. С сожалением и тревогой Я. С. неоднократно отмечал (эта тема прослеживается почти во всех его работах), что многими исследователями, даже опирающимися на труды А. А. Шахматова, его метод понят и усвоен далеко не полностью. Поэтому он в совокупности своих работ дал его подробное описание, показал, каким образом А. А. Шахматов и ученые его школы осуществляли свои исследования. Это особенно важно потому, что, по выражению Я. С., «корифей нашей науки <...> не пытался показать своим читателям с „шучиной кухней“ летописной текстологии».⁶⁰

Своеобразие шахматовского метода, по мнению Я. С., состояло «в соотношении между доказанными и предположительными элементами построения».⁶¹ К тем сюжетам, которые А. А. Шахматов включал «в скобки», он потом возвращался сам или возвращались его последователи, и их интерпретации во многих случаях были пересмотрены, в том числе, как было показано выше, и самим Я. С. И это как бы вносило в шахматовские выводы и во всю его схему некоторую «видимую неустойчивость».⁶² Замена старых выводов на новые вызвала недоверие и непонимание некоторых исследователей, которые подходили к шахматовской системе как к догме. Догматический подход к шахматовским построениям ведет к тому, что различия между основными сводами и их протографами не учитываются, хотя они принципиально важны. Имеют место и случаи цитирования гипотетических сводов как реально существующих летописных текстов. Вместе с тем, как неоднократно отмечал Я. С., результаты работ А. А. Шахматова далеко не всегда учитываются при конкретных исследованиях отдельных летописных рассказов.

Поэтому особенно важно различать и в каждом конкретном случае учитывать, о чем идет речь — о научно аргументированной гипотезе, опирающейся на сходство между собой до определенной даты

⁵⁸ Лурье Я. С. Схема истории летописания А. А. Шахматова и М. Д. Приселкова и задачи дальнейшего исследования летописей // ТОДРЛ. Т. 44. Л., 1990. С. 192.

⁵⁹ Лурье Я. С. Михаил Дмитриевич Приселков — источниковед. С. 364—475.

⁶⁰ Лурье Я. С. [Рец. на кн.] Г. М. Клоес. Никонковский свод и русские летописи XVI—XVII вв. С. 173.

⁶¹ Лурье Я. С. К изучению летописного жанра // ТОДРЛ. Т. 27. Л., 1973. С. 79.

⁶² Приселков М. Д. История русского летописания XI—XV вв. 2-е изд. С. 45.

реальных текстов летописей, об атрибуции выделенных путем такого сличения текстов гипотетических сводов-протографов, об источниках этих сводов или же об определении целых групп сводов. Опираясь на эти особенности шахматовского метода, Я. С. дал описание конкретных стадий работы ученого над летописными текстами.

Первой стадией является полное текстологическое сравнение сходных летописей. В результате появляется возможность установить взаимозависимость между ними, а иногда и общий протограф. Эта процедура очень сложна и включает ряд операций, большее или меньшее количество которых зависит от того, какое число летописей сравнивается. Иногда сравнительно подлежат целые группы сходных летописей, причем та или другая летопись может быть частично сходна с одним, а частично — с другим памятником. В таких случаях исследователь прежде чем сравнивать данную летопись с другой «очищает» ее (по выражению А. Н. Насонова) от разделов, сходных с другими летописями.⁶³ Я. С. писал также о том, что последующий летописный текст должен быть подвергнут операции, которую можно определить как «расписывание» его по параллельным источникам. «Обращаясь к томам Полного собрания русских летописей, бывшим в свое время в распоряжении А. А. Шахматова, мы обнаруживаем, что поля их покрыты карандашными пометами: это указание на сходные тексты других летописей».⁶⁴ Так же «расписывали» изучаемые ими летописные памятники М. Д. Приселков и А. Н. Насонов. Я. С. отмечал, что ему самому пришлось предварительно «расписать» так все летописные тексты XV—XVI вв., привлекаемые для воссоздания более ранних сводов. В упомянутой уже рецензии на книгу Б. М. Клосса он писал, что не сомневается в том, что автор ее также предварительно полностью «расписал» текст Никоновской летописи, занимающей пять томов ПСРЛ.⁶⁵

Так же детально дал Я. С. определение и второго этапа работы над историей летописания — установление состава и содержания свода-протографа, которое может быть выполнено в разных формах (развернутая реконструкция, описание). После этого можно переходить к третьей стадии — характеристике свода-протографа.⁶⁶ И здесь также главную роль играет сравнение, «но на этот раз речь идет о сравнении реконструируемого текста с другими, обычно более древними (или восходящими к древнему источнику) летописями с целью определения источников исследуемого свода-протографа и его оригинальных разделов». Принципиально важно то обстоятельство, что именно на этом последнем этапе выводы исследователя чаще всего носят предположительный характер (и именно эти предположения А. А. Шахматова пересматривались в дальнейшем), включают не только гипотезы, но и догадки. Можно с уверенностью утверждать, что этот анализ Я. С. трех этапов работы над летописями, так же как и написанный им (совместно с Б. М. Клоссом) раздел о летописях в «Методических рекомендациях по описанию славяно-русе-

⁶³ Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв. С. 12.

⁶⁴ Лурье Я. С. О возможности и необходимости при исследовании летописей. С. 33.

⁶⁵ Лурье Я. С. [Рец. на кн.] Б. М. Клосса. Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII вв. С. 173.

⁶⁶ Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв. С. 12—14.

ских рукописей»,⁶⁷ будет иметь большое практическое значение еще очень долго.

Неразличение этих нескольких этапов работы и, соответственно, их результатов ведет к разрушению шахматовской системы и шахматовского метода. Оно чаще всего бывает несознанным и происходит из непонимания и сложности применения этого метода, в особенности теми, кто, по выражению М. Д. Приселкова, привык работать только с простыми текстами. Однако были и другие случаи, с которыми Я. С. пришлось столкнуться. Это касается работ А. Г. Кузьмина, прямо призывавшего отказаться от шахматовского метода как «механического» и противопоставившего ему свой якобы «сравнительно-исторический» метод.

Я. С. был блестящим полемистом. Известно, что многие наши коллеги не хотят вступать в дискуссии с авторами, работы которых они считают недостаточно профессиональными. Я. С. придерживался другого подхода. Он полагал, что следует разбирать аргументацию в любых построениях, независимо от их научного уровня. И ему удалось убедительно показать, в частности, что всякий отход от шахматовского метода на деле неизбежно воскрешает устаревший уже к началу XX в. и отвергнутый А. А. Шахматовым метод «расширок» летописных текстов, при котором отдельные их части связывались с летописанием определенного княжества только на том основании, что в данном месте шла речь об этом княжестве или его князе. Также провозвонно определялось и время составления этих летописей. Именно к такому подходу призывает вернуться А. Г. Кузьмин. Ненаучным является также и провозглашенный Кузьминым отход от источника как единственной основы исследования и, со ссылкой на Е. Топольского, обращение к «эпистолическому знанию». Я. С. показал, во-первых, что в приводимых А. Г. Кузьминым примерах речь идет не о «эпистолическом знании», а о сопоставлении письменных и вещественных, например археологических, источников. Кроме того, его попытка противопоставить научному источнику знание некой «объективной реальности» или «действительности» на деле несостоятельна, поскольку последние известные историкам также только из изученных ранее источников. У Кузьмина по существу речь идет о том, что конкретное исследование источника следует подчинить уже сложившейся концепции, как он и делает сам на примере древнерусского летописания.⁶⁸ Провозвонная возврат к дошахматовским методам исследования летописей, основанная на простой возможности использования при их составлении летописцев отдельных княжеств, Кузьмин и в других случаях строит свои концепции не на гипотезах, а на неаргументированных допущениях, каковым, например, является его утверждение о летописной традиции Десятинной церкви, о начале новгородского летописания или существовании в Древней Руси разных годовых стилей и космических эр. Отвергнув шахматовскую схему истории летописания,

⁶⁷ Клозе В. М., Лурье Я. С. Русские летописи XI—XV вв. II Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для единого каталога рукописей, хранящихся в СССР. Вып. 2, ч. 1. М., 1976. С. 78—139.

⁶⁸ Критику работ А. Г. Кузьмина см.: Лихачев Д. С., Лурье Я. С., Янин В. Я. Подлинные и мнимые вопросы методологии изучения летописей // Вопросы истории. 1973. № 8. С. 194—203; Лурье Я. С. О возможности и необходимости при исследовании летописей. С. 13—36.

в частности древнейшего периода, Кузьмин, как отмечает Я. С., «не предложил удовлетворительного объяснения реальных соотношений между текстами, на которых эта схема основывалась», заменил его своими догадками, рассуждениями по принципу «почему бы и нет?». Имелся этот принцип, «а не прокламированные <...> „гипотетические“ и „методологические“ установки», лежит, как подчеркивает Я. С., «в основе конкретных построений А. Г. Кузьмина». Но этот вопрос сам по себе «не имеет доказательного значения; возможность не есть еще научная необходимость».⁶⁹

Наконец, еще одним аспектом работ Я. С. по летописанию стала его деятельность по изданию самих летописных текстов. Как и М. Д. Присеков, он придавал этому большое значение. Разделял он и отчасти критическое отношение своего учителя к привычкам публикации в ПСРЛ. Он считал, что многие правила этого издания, во-первых, устарели, а во-вторых, идут в разрез с шахматовскими принципами. Так, Я. С. неоднократно отмечал, что в ПСРЛ зачастую не проводится разницы между дошахматовским понятием летописи вообще как «свода», то есть как соединения разноплановых источников (более расширительное значение), и «свода» в шахматовском понимании как гипотетического протографа реально существующих летописных текстов. Летописный свод, по терминологии А. А. Шахматова, издавать нельзя. Между тем в ПСРЛ публикуются реальные летописные памятники, называемые «источниками свода» определенного года, что ведет к смещению понятий.

Тем не менее Я. С. несколько раз принимал участие в изданиях ПСРЛ. Он осуществил издание Холмогорской летописи, был членом коллектива авторов, издавших Радвижовскую летопись, явился инициатором издания и редактором подготовленной к печати Новгородской Карамзинской летописи. Следует особо отметить, что издание Радвижовской летописи было задумано и начато осуществлять М. Д. Присековым еще в конце 30-х годов. Его смерть прервала тогда эту работу.

Я. С. тревожился за судьбу того научного направления, к которому он принадлежал. Он считал, что хотя исследование летописания во второй половине XX в. и достигло успехов, но все же далеко еще не завершено. Его беспокоило, что ученых, специально занимающихся летописанием, остается очень мало. Я. С. намечал три направления, по которым должно развиваться летописное источниковедение: введение в науку и публикация того «материала летописей», который еще хранится в архивах,⁷⁰ пересмотр на основе введения в научный оборот новых летописных текстов шахматовской схемы — ее уточнение и дополнение. Как было показано выше, Я. С. осуществил это в отношении общерусского летописания XIV—XV вв. Таким образом, эти две задачи были в значительной степени решены самим Я. С. Но оставалась третья задача — провести на этой пересмотренной и дополненной основе сопоставление памятников, созданных в рамках великокняжеской и царской офи-

⁶⁹ Лурыс Я. С. О возможности и необходимости при исследовании летописей. С. 21—23, 36.

⁷⁰ Лурыс Я. С. Схема истории летописания А. А. Шахматова и М. Д. Присекова. С. 195.

ивальных традиций (типа Никоновской летописи, на которую часто опираются историки, не учитывая ее позднее происхождение и официальный характер), с другими летописями, прежде всего с более ранними, а также неофициальными.¹¹ Я. С. считал необходимым, опираясь на результаты такого рода исследования, заново исследовать средневековую историю России. Сам он реализовал этот замысел на материале истории XV в.¹² Он опирается при этом на ранние летописи и показал истоки историографических мифов, основанных на некорректном восприятии иромосковских и поздних летописных сочинений XV—XVI вв. В результате вся картина русской истории XV в. оказалась воссозданной на базе критически интерпретированных источников. На той же методической основе была написана последняя, еще не изданная, работа Я. С., в которой исследуется восприятие новым временем истории Древней Руси. Таким образом, и третья задача, которую ставил перед собой Я. С., была им решена.

Эти и другие замечательные творческие достижения Я. С. Лурье базируются на огромном таланте, поразительном трудолюбии, увлеченности и следовании принципам петербургской исторической школы.

¹¹ Лурье Я. С. 1) Михаил Дмитриевич Приселков — источниковед, С. 472, 475.
2) Схема истории летописания А. А. Шахматова и М. Д. Приселкова, С. 195.

¹² См.: Лурье Я. С. Две истории Руси XV в.